

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

В.С. Кузнецов

КНР и Индия сообща отмечают годовщину Будда джаяннти

В 1956 г. произошло знаменательное событие в жизни вселенской буддийской общины — 2500-летие джаяннти, т.е. погружения в нирвану, Будды Шакьямуни.

В мероприятиях, проводимых в этой связи в Индии, принял непосредственное участие Пекин, тем самым продемонстрировав свою сопричастность к знаковому явлению в жизни мировой буддийской общины и использовав его для укрепления дружественных отношений с Дели. Этому было призвано послужить пребывание в Индии премьера КНР Чжоу Энь-лая и тибетских первоиерархов. Специфика положения ламаистских иерархов в условиях, когда Тибет юридически стал частью КНР и они уже фактически не могли выезжать за пределы Китая без санкции его руководства, осложнила вопрос о прибытии далай-ламы в Индию. События развивались следующим образом.

Весной 1956 г. махараджа Сиккима Кумар, президент индийского общества Махабодхи¹, пригласил далай-ламу приехать в Индию для участия в торжествах. В ответ на это китайские власти в Лхасе заявили, что присутствие далай-ламы необходимо в тибетской столице и что представлять далай-ламу на торжествах будет его младший наставник Триджан Ринпоче. Узнав об этом, премьер-министр Индии Дж. Неру уведомил Пекин, что было бы лучше, если бы в Индию на торжества все-таки приехал сам далай-лама. Высшие китайские власти согласились с доводами Неру. Вероятнее всего, их согласие было продиктовано пониманием того, что лишение далай-ламы возможности выехать из страны для участия в торжествах в честь Будды будет чревато негативным резонансом среди мировой буддийской общественности и даст повод считать, что коммунистические власти ограничивают свободу деятельности ламаистского первоиерарха. Однако, прислушиваясь к пожеланиям Дели,

¹ Общество Махабодхи — организация, занимавшаяся проповедью буддизма.

Пекин показал, что не склонен безоговорочно внимать советам извне: с далай-ламой поехал и панчен-лама, второй по значению тибетский иерарх.

Согласно сообщению агентства Синьхуа от 16 ноября 1956 г., далай-лама и панчен-лама получили приглашение от почетного председателя и председателя рабочего комитета по проведению мероприятий, связанных с 2500-летием погружения в нирвану Будды Шакьямуни, т.е. от премьера КНР Чжоу Энь-лая и вице-президента Индии С. Радхакришнана соответственно². Таким образом, средства массовой информации КНР представили дело так, будто приглашение тибетским первоиерархам прибыть в Индию для участия в мероприятиях по случаю Будда джаянги исходило от официальных лиц Китая и Индии.

Как появилось на свет это приглашение, до сих пор неясно. Очевидно, оно явилось результатом некоей договоренности между официальными инстанциями КНР и Индии. Сохранение статуса тибетских первоиерархов как носителей властных прерогатив, предусмотренное соглашением 1951 г. о мирном освобождении Тибета, нашло свое отражение в том, что далай-ламу приглашают официальные лица КНР и Индии. Причем первым был назван премьер КНР, который санкционировал своим авторитетом, вопреки администрации Тибета, подчиненной центральному правительству КНР, согласие на выезд далай-ламы за пределы Китая, районом которого является Тибет.

Словом, вопрос о приглашении далай-ламы для участия в торжествах по случаю Будда джаянги вышел на уровень отношений между правительствами двух стран. Приглашение далай-ламе приехать в Индию со стороны Чжоу Энь-лая по существу выступало как согласие на выезд тибетского иерарха за пределы КНР, а С. Радхакришнан подтверждал готовность принять его в Индии.

Синьхуа подробно информировало об отъезде далай-ламы. Сегодня, сообщало оно 20 ноября, «далай-лама выезжает в Шигадзе, откуда направляется в Индию»³. Это, видимо, было призвано снять за рубежом сомнения относительно выезда первоиерарха из пределов КНР.

Как бы подтверждая это, представитель центрального народного правительства в Тибете, секретарь комитета ЦК КПК по работе в Тибете Чжан Цзин-у сделал специальное заявление, в котором говорилось: «Буддийские круги Тибета в осуществлении заповедей религии горячо любят отечество, горячо любят мир, приложили немало сил для освобождения людей от страданий, делают так, чтобы связи китайского Тибета и Индии, Непала получили новое развитие. Далай-лама и панчен-лама не только буддийские вожаки *нашего китайского Тибета* (курсив мой. — В.К.), к тому же в азиатских государствах, где исповедуют буддизм, пользуются большой известностью и уважением. Они в этот раз смогут получить возможность встретиться с живыми буддами, буддистами-мирянами и учеными различных кругов мира, это внесет большой вклад в содействие международному единству буддийских кру-

² ЖМЖБ, 17.11.1956.

³ ЖМЖБ, 21.11.1956.

гов в защиту долгого мира во всем мире»⁴. Словом, было объявлено, что тибетские первоиерархи выезжали за пределы КНР не просто как духовные лица, но как эмиссары Пекина в буддийском мире и что они как бы получили на это соответствующие верительные грамоты, в которых определены их полномочия.

Вынужденное согласие Пекина на приезд далай-ламы в Индию нашло отклик и в том, как официальные средства массовой информации КНР освещали участие буддистов Китая в памятных мероприятиях. Делегация китайских буддистов, сообщало 23 ноября 1956 г. Синьхуа, во главе с Ширав Джалцо после участия в 4-м вселенском съезде буддистов в Катманду 22 ноября прибыла в Дели для участия в торжествах по случаю 2500-й годовщины погружения в нирвану Будды. Помимо Ширав Джалцо в мероприятиях участвуют далай-лама и панчен-лама⁵. Таким образом, внимание было сфокусировано на прибытии в Индию главы официальной буддийской делегации КНР Ширав Джалцо, в то время как о тибетских первоиерархах сообщалось как бы между прочим. Забегая вперед, укажем, что в сообщениях китайской и индийской прессы не говорилось о том, в чем заключалось участие делегации буддистов КНР в мероприятиях Будда джаяннти. При этом сообщения в средствах массовой информации двух стран сильно различались.

25 ноября 1956 г., информировал журнал «Народный Китай», в Дели по приглашению Индийского комитета по празднованию 2500-летия со дня погружения в нирвану Будды Шакьямуни прибыли далай-лама и панчен-лама⁶. Из этого сообщения следовало, что тибетские духовные руководители прибыли в столицу Индии всего лишь по приглашению Индийского комитета по празднованию юбилея джаяннти Будды, т.е. временной организации с духовно-культурными функциями. О приглашении со стороны китайского премьера и индийского вице-президента ничего не сообщалось.

Вместе с тем прием, оказанный далай-ламе индийской стороной, наводил на мысль о том, что та воспринимала его не просто как духовного главу ламаистов, но как высокопоставленного государственного деятеля. 25 ноября 1956 г. в аэропорту Палам в индийской столице далай-ламу встречали вице-президент и премьер-министр Индии. На первую полосу в газете «Таймс оф Индия» был вынесен снимок, на котором бок о бок стоят далай-лама и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, на заднем плане — панчен-лама как второе по значимости лицо в ламаистской церковной иерархии⁷. Более того, уровень внимания, которое высшее государственное руководство Индии уделило далай-ламе с момента его появления на индийской земле, подчеркивал, что почести оказывались не просто духовному владыке Тибета, но и традиционному светскому правителю страны, включенной теперь волевым решением Пекина в состав Китая. Выступая с ним как соавтор принципов панча-шила,

⁴ Там же.

⁵ ЖМЖБ, 24.11.1956.

⁶ НК, 23.12.1956.

⁷ ТИ, 02.12.1956.

Индия в то же время не одобряла объявление Тибета составной частью КНР. Показателем таких настроений индийского истеблишмента может служить публикация в газете «Таймс оф Индия». В ней, в частности, говорилось: «Хотя в 1956 г. Далай-лама XIV достиг совершеннолетия, когда, как полагали, он примет абсолютную власть над Тибетом, он нашел свою свободу круто урезанной Китайской Народной Республикой, которая низвела его до просто титулованного главы. Это впервые далай-лама и панчен-лама пребывают как паломники на земле, где родился благословенный Будда, — в Индии Махатмы Ганди»⁸.

Последняя ремарка дает основания полагать, что в паломничестве тибетских иерархов в Индию определенные круги последней усматривали тяготение ламаистских первоиерархов к стране иной политической культуры, нежели КНР, где основными составными государственной идеологии выступали атеизм и марксизм, чуждые мировоззренческим заповедям буддизма.

27 ноября Дж. Неру посетил дворец Хайдарабад, где встретился с далай-ламой. После этого он посетил дворец Кэтада, где имел встречу с панчен-ламой. В тот же день, 27 ноября 1956 г., премьер-министр Индии устроил прием в честь обоих первоиерархов.

Серия приемов, данных в честь далай-ламы и панчен-ламы, отмечена таким примечательным обстоятельством, как неперемное участие индийских официальных лиц. О приеме у Дж. Неру мы уже говорили. Прием в Буддийской ассоциации Индии в честь тибетских первосвященников 27 ноября вел министр обороны Индии⁹. 2 декабря в Дели в парке Рамлия был устроен прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. Они вступили на трибуну, сопровождаемые премьер-министром Дж. Неру. Как сообщала «Таймс оф Индия», «доктор Раджендра Прасад и премьер-министр Неру сидели, скрестив ноги, на полу во время государственного банкета, устроенного в честь далай-ламы и панчен-ламы». Затем стороны обменялись подарками¹⁰.

Во время поездки далай-ламы и панчен-ламы по стране в качестве принимающей стороны также выступали совместно власти штатов и общественные организации, в том числе буддийские. В Мадрасе, например, прием в

⁸ Там же.

⁹ ЖМЖБ, 29.11.1956.

¹⁰ ТГ, 03.12.1956. По сообщению индийских СМИ, Раджендра Прасад подарил далай-ламе и панчен-ламе кашмирское столовое серебро, украшенные золотом бенаресские шелковые одежды, подушки и покрывала для дивана, изысканные статуи Будды из слоновой кости, сочинения Дж. Неру, а также С. Радхакришнана и свои. Подарки далай-ламы президенту включали изысканные тибетские шелка и курения. Панчен-лама презентовал большое собрание редких тибетских манускриптов 800–2000-летней давности. Этот подарок индийская газета прокомментировала следующим образом. Коллекция предназначается «возрождающейся Индии, которая, создавая свою прошлую славу, может с наибольшей пользой употребить сокровища Тибета» (ТГ, 03.12.1956). За последними словами кроется явная шпилька в адрес Пекина, который в отличие от Нью-Дели не сможет-де по достоинству оценить культурные сокровища Тибета. И забегая вперед, в годы «культурной революции», можно отметить, что слова газеты звучали providчески.

честь тибетских первоиерархов устраивали власти штата и Буддийское общество Мадраса. То же происходило в Бомбее и других местах¹¹.

Такого рода протокольная процедура имела свой смысл: далай-ламу и панчен-ламу принимали и как официальных представителей КНР, и как посланцев буддийской общины Китая. Иными словами, индийская сторона не отвергала буддийскую дипломатию Пекина и способствовала ее осуществлению. И это шло в актив обеим сторонам, ибо расширяло основу для межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем подчеркиваемая сопричастность буддийской общественности Индии к пребыванию тибетских иерархов в стране демонстрировала «сродство душ» именно на почве буддизма, но не коммунизма и лишней раз напоминала о буддийской общности Индии и Тибета, включенного в состав КНР не по инициативе далай-ламы, но волевым решением высшего китайского руководства.

Почести, оказываемые тибетским первоиерархам индийскими властями, не могли не польстить этим молодым людям. Такого обращения им не доводилось видеть в КНР. Это, в свою очередь, не могло не вызывать у них проявления соответствующего благожелательного настроения и, в свою очередь, давало правительству Индии определенные политические дивиденды, чреватые ущербом для внешнеполитических интересов КНР. Чтобы как-то приуменьшить политический выигрыш Индии, дипломатические представительства КНР в Индии тоже устраивают соответствующие мероприятия.

Так, уже 26 ноября 1956 г. посол КНР в Индии Пань Цзы-ли устроил прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. Среди присутствующих были премьер-министр Индии Неру, бывший премьер Бирмы У Ну, официальные индийские лица¹². 9 декабря генеральный консул КНР в Бомбее Чжан Цзи-пин устроил прием в честь далай-ламы и панчен-ламы. В соответствии с буддийским обрядом генконсул вручил им хада — шелковый шарф или кусок полотна, преподносимый в знак благопожелания. На приеме присутствовали индийские официальные лица¹³.

Как представляется, эти приемы в дипломатических представительствах КНР имели определенную политическую цель и должны были показать индийской и мировой общественности, что духовная миссия далай-ламы и панчен-ламы ценится в Пекине и что они являются не только носителями буддийской традиции, но и посланцами мира и дружбы.

Далай-лама и панчен-лама демонстрировали последнее на массовых митингах и различных приемах. Символично, в частности, их выступления 1 декабря в делийском отделении Общества индийско-китайской дружбы. Перед тем как им предоставили слово, произнес речь председатель делийского отделения Общества индийско-китайской дружбы. Приезд далай-ламы и панчен-ламы, заявил он, удовлетворил желание народа Индии и двух великих деятелей Тибета. Одновременно их прибытие в Индию усилило дружбу народов

¹¹ ТГ, 09.12.1956.

¹² ЖМЖБ, 28.11.1958.

¹³ ТГ, 10.12.1956; ЖМЖБ, 11.12.1956.

двух государств. В своих ответных выступлениях первосвященники акцентировали значимость китайско-индийских дружеских связей для укрепления всеобщего мира. Связи между Индией и Китаем, сказал в своем выступлении далай-лама, каждый день крепнут. «Эти братские связи внесли вклад в дело обеспечения мира во всем мире и я выражаю надежду, что эти связи будут упрочаться». Как заявил панчен-лама, отношения Индии и Китая основываются на принципах панча-шила¹⁴.

На приеме, устроенном властями города Бомбея 10 декабря, первоиерархи Тибета молились, чтобы дружба Китая и Индии с каждым днем развивалась. За день до этого, 9 декабря, в храме Махабодхи в Бодх Гайя (Бихар) состоялись моления по случаю махапаринирваны Будды. Ритуальные обряды выполнили «монахи и монахини из Восточного Пакистана, *ламы из Тибета* (курсив мой. — В.К.), монахи из Цейлона, Камбоджи, Бутана, Бирмы и других мест»¹⁵. Одним словом, это было священнодействие международной буддийской общины.

23 декабря далай-лама и панчен-лама посетили Варанаси (Бенарес), где их приветствовали несколько тысяч тибетцев, которые прибыли в Индию поклониться останкам Будды. Присутствие тибетцев на торжествах наглядно свидетельствовало о практическом осуществлении китайско-индийского пакта от 29 апреля 1954 г. и тем самым шло в актив Пекина, равно как и выступления далай-ламы и панчен-ламы. В этом случае, как и в ряде других, тибетские первоиерархи объективно выступали как эмиссары Пекина, озвучивая перед верующими, далекими от политики, призывы официальной пропаганды к всеобщему миру, к социальной справедливости. Вместе с тем они выступали с активной проповедью жизненности и практической значимости буддизма. В устах верховных лам он представал как совершенная политическая философия, отвечающая требованиям современности. Об этом свидетельствовало, в частности, сказанное тибетскими первосвященниками на приеме в Буддийском обществе Индии. «Мы, — сказал далай-лама, — должны не только энергично распространять веру, принятую от Фоцзу (Будды), к тому же нужно осуществлять на деле принципы его учения о милосердии и неприменении насилия, потому что, только так поступая, можно осуществить мирную жизнь во всем мире и братскую дружбу». «Мы, — вторил ему панчен-лама, — должны молиться и энергично способствовать продвижению нашей религиозной культуры во имя всеобщего мира, лучшего взаимопонимания между государствами мира»¹⁶. Воспроизводя на страницах «Жэньминь жибао» эти высказывания тибетских первоиерархов, выдержанные в духе буддийского мировоззрения, власти КНР демонстрировали уважение к суждениям высшего тибетского духовенства, хотя и тиражировали их мировоззренческие мнения, которые не были во всем адекватны официальным установкам атеистического руководства.

¹⁴ ЖМЖБ, 03.12.1956.

¹⁵ ТГ, 10.12.1956.

¹⁶ ЖМЖБ, 29.11.1956.

На приеме, устроенном властями города Бомбея 10 декабря 1956 г., панчен-лама выразил восторг по поводу усилий, приложенных Индией по возрождению буддизма¹⁷. За прославлением Индии, чье правительство поощряет буддизм, стояло вольное или невольное умолчание об отношении к нему руководства КНР. И вряд ли это случайно. Умышленно или неумышленно тибетский иерарх противопоставлял Индию и КНР в их отношении к вере. Впрочем, программа пребывания тибетских первоиерархов не свелась к мероприятиям, посвященным Будде. Индийские власти ознакомили их с тем, как осуществляются проекты по возрождению деревни. Далай-лама и панчен-лама посетили новостройку в коммуне Нилокхера. Здесь их встречали и украшали гирляндами вице-министр Пенджаба по делам местного самоуправления и коммунальных проектов Бриш Бхан и другие должностные лица. Отряд вооруженной полиции выстроился в почетный караул, сельчане осыпали гостей лепестками роз и ноготков. Бриш Бхан представил ламам чиновников правительства Пенджаба¹⁸.

Мы специально воспроизводим такие детали приема тибетских первоиерархов, поскольку позднее средства массовой информации КНР тиражировали сетования панчен-ламы на невнимание индийских властей.

Разнообразив программу пребывания представителей буддийского Тибета за счет ознакомления с мероприятиями социально-экономического характера, индийские власти руководствовались, очевидно, и соображениями политического порядка — показать первосвященникам, что на прародине буддизма без насаждения радикальной идеологии и ломки традиционного уклада принимаются меры к улучшению жизни крестьянства. В этом проявлялось идейное соперничество Дели и Пекина. Индийский истеблишмент рассчитывал обрести симпатии духовных владык в Тибете и, соответственно, в буддийском мире, где они в силу своего статуса воспринимались с уважением.

Оставляя в стороне вопрос, насколько искренне говорили тибетские первосвященники, нельзя не отметить, что индийской общественности импонировали их заявления о достижениях Индии. Как сообщала индийская пресса, панчен-лама говорил о борьбе, которую народ Индии вел за обретение независимости, и сказал, что после получения ее Индия выполнила несколько гигантских проектов и что он чрезвычайно восхищен усилиями, которые народ Индии предпринимает для реконструкции своей экономики¹⁹.

Выступая перед индийской общественностью, панчен-лама в духе официальных заявлений Пекина ратовал за дружественные отношения Индии и Китая. В речи в Бомбее 10 декабря 1956 г. он призвал: «Пусть дружба между Индией и Китаем длится долго»²⁰. Подобные призывы представителя Тибета, уже ставшего частью КНР, можно рассматривать как озвучение обращения руководства КНР к индийской общественности. Вместе с тем ламаистские

¹⁷ ЖМЖБ, 10.12.1956.

¹⁸ Т1, 02.12.1956.

¹⁹ Т1, 03.12.1956.

²⁰ Т1, 11.12.1956.

иерархи проповедовали перед индийской общественностью политическую философию, которая была принципиально отличной от той, что культивировал официальный Пекин. «Чтобы осуществлять хорошую деятельность, — внушал панчен-лама, — мы должны воздвигать статую Будды, оглашать его учение и культивировать любовь и сочувствие ко всем»²¹. «Доктрина буддизма, — говорил далай-лама, — учит нас ненасилию и взаимопомощи. Поэтому долг каждого буддиста бороться за мир и счастье человечества»²².

Как убеждает смысл всего сказанного далай-ламой и панчен-ламой на индийской земле, их заявления свидетельствовали о том, что они считают Тибет политической частью КНР. Однако выступления, в которых они отдавали должное буддийской Индии как духовной прародине Тибета, отнюдь не укрепляли авторитет Пекина в мире буддизма.

Поддержать этот авторитет был призван своим присутствием в Индии в дни, когда там отмечалась годовщина нирваны Будды, премьер КНР Чжоу Энь-лай, принявший официальное участие в знаменательном для мировой буддийской общины событии. Для государственного руководства КНР это была своего рода обкатка пяти принципов мирного сосуществования. В сфере взаимоотношений со своим соседом Индией в качестве духовной идеологической основы для сосуществования государств с различной социально-политической системой Китай выбрал религию, а именно буддизм. В случае с Индией буддийская дипломатия Пекина носила ярко выраженный тибетский акцент уже потому, что Тибет оказался в центре геополитических интересов Индии и Китая. И Пекин рассчитывал примирить Дели с фактом политического включения Тибета в состав КНР, демонстрируя в то же время общность в духовном плане — в уважительном отношении к буддизму.

Литература

ЖМЖБ — Жэньминь жибао. Пекин.
НК — Народный Китай. Пекин.
ТI — The Times of India. New Delhi.

²¹ Там же.

²² Там же.